

ФІЛОСОФСЬКІ ПРОБЛЕМИ НАУКИ І ТЕХНІКИ

УДК 001:1

И.В. ВЛАДЛЕНОВА, д-р филос. наук, проф., НТУ «ХПИ»

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ТЕХНИКИ

В статье рассматриваются различные подходы к проблеме техники: техноутопизм, техноцентризм, технокритицизм. В русле технологического детерминизма можно выделить две идеи: развитие технологии представляет собой предполагаемый процесс, или технология представляет собой «последствия», которые присущи обществу. В контексте техноутопизма развилось представление, называемое техноцентризм. Противоположной идеей оптимистическим прогнозам, которые предлагаются в рамках техноцентризма, выступает концепция технокритицизма.

Ключевые слова: наука, техника, технологический детерминизм техноутопизм, техноцентризм, технокритицизм.

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена важной ролью науки и техники, от развития которых зависит будущее современной цивилизации. Развитие технологий вызывает острую дискуссию среди различных исследователей, которые видят в них либо спасение от всех проблем, либо причину различных бедствий. Техника выступает в роли важного средства в разрешении жизненных проблем, с другой стороны – могущественной силой, которая угрожает духовной сущности человека, природному миру. Наблюдается, наряду с позитивными аспектами развития техники, тенденция масштабных негативных последствий технической деятельности, социальные конфликты в выборе целей и средств развития современной цивилизации, что нашло свое воплощение в философии техники, которая обратилась к ее морально-нравственной оценке.

© И.В. Владленова, 2014

Цель статьи состоит в формировании концепции, которая бы объединила несколько различных подходов в философии техники.

Основные результаты исследования. Рассмотрим идеи, принципы и установки, которые формируют различные представления о научно-технологическом развитии. В русле *технологического детерминизма* утверждается, что технические разработки, средства коммуникации и массовой информации выступают в качестве ключевого двигателя в истории, который приводит к социальным изменениям [1].

Большинство интерпретаций технологического детерминизма сводится к двум идеям: развитие технологии представляет собой предсказуемый процесс, откладывающий отпечаток на культуру и политические процессы; либо технология представляет собой «последствия», которые присущи обществу. Строгие приверженцы технологического детерминизма не верят, что влияние технологии различается в зависимости от того, насколько технологии могут быть использованы. Вместо того чтобы рассматривать технологии как часть большого спектра человеческой деятельности, технологический детерминизм видит технологии в качестве основы для всей человеческой деятельности. Эта «идея прогресса» или «учение о прогрессе» центрируется вокруг идеи о том, что социальные проблемы можно решить с помощью технического прогресса, благодаря которому общество движется вперед. С позиции технологического детерминизма невозможно остановить прогресс, так же, как и контролировать технологии [1]. Вместо того чтобы признать, что общество или культура взаимодействует и даже формирует технологии, которые используются, технологические детерминисты полагают, что технологии самодостаточны и их развитие обеспечивается внутренними причинами. С точки зрения социального детерминизма, социальные обстоятельства только «выбирают», какие технологии будут приняты, в результате чего ни одна технология не может считаться «неизбежной». Технология и культура не являются независимыми образованиями, и развитие научно-технического знания вовлечено в социальные процессы [там же]. Мирча Элиаде установил, что во многих культурах и религиях существует миф о далеком прошлом, когда человечество жило в блаженном состоянии в гармонии с окружающим миром, в так называемом Золотом веке, в обществе, в котором устранены все известные виды социального зла, удовлетворены все запросы человека и достигнуто всеобщее благополучие за счет воцарения полной справедливости, свободы и равенств. Мирча Элиаде считает, что мифологема золотого века («потерянного рая») восходит ко временам неолитической революции и является реакцией на введение земледелия. Этот архетипический образ лежит в основе любой утопии [2].

Утопия в переводе с древнегреческого означает «место, которого нет». Слово было использовано Т. Мором в работе «Утопия», где он описывает общество, живущее на вымышленном острове в Атлантическом

океане [3]. Первым концептуальным изложением идеи утопии считается диалог Платона «Государство», где он описывает модель идеального общества, построенного на идее справедливости. В основе платоновского «технэ» (искусства-техники) лежат понятия меры и соразмерности, симметрии, гармонии и порядка. В «Утопии» Т. Мора отменена частная собственность, уничтожена всякая эксплуатация, господствует ручной труд и ничего не сказано о развитии техники. В работах Ф. Бэкона осуществлена первая попытка конструирования техноутопизма. Свой подход к проблемам развития науки и техники он изложил в трактате «Новый органон», в котором провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой, сама же наука должна занимать достойное место в «царстве человека», ведь ее предназначение в том, чтобы умножать силу и могущество людей, обеспечивать им богатую и достойную жизнь. В работе «Новая Атлантида» Ф. Бэкон описывает идеальное общество, в котором наука дала человеку власть над природой и улучшила его жизнь. В его техноутопическом обществе есть приборы, производящие теплоту, подземные помещения, где поддерживается естественное или искусственное освещение, инструменты, позволяющие увеличивать изображение и т.д. Описанный Ф. Бэконом «Соломонов Дом» представляет собой аналог научно-промышленной организации, которая, с одной стороны, направлена на реализацию процессов промышленной организации и снабжения, производства и реализации продукции, с другой, занимается фундаментальными исследованиями, которые способствуют открытию законов природы [4]. Ф. Бэкон один из первых философов озвучил идею о том, что использование передовых достижений науки и техники можно использовать с целью повышения эффективности и качества производственных процессов, лучшего удовлетворения потребности людей.

На основе идей техноутопизма развилось представление, называемое техноцентризм (Technocentrism), обозначающее систему ценностей, которая сосредоточена на технологии и ее способности контролировать и защищать окружающую среду. Экологические проблемы, полагают техноцентристы, можно решить с помощью науки и техники. К примеру, с помощью разработок новых технологий, очистных сооружений, замены топлива, новых источников энергии и т.д.

Термин «техноцентризм» сконструирован С. Папертом, однако он не раскрыл его значение до конца. Техноцентризм манифестирует процесс центрации, подчинения всех элементов социальной системы технике, занимающей выделенное положение в этой системе [5].

В основе техноцентризма – идея преодоления различных кризисов с помощью форсированного применения науки и техники, а также расширение техносферы путем создания новых технологических проектов, освоения космического пространства и создания искусственного интеллекта. Подоб-

ные идеи были озвучены В. Вернадским, который считал, что возможности человека в преобразовании окружающего мира безграничны, и связывал происходящие процессы с развитием ноосферы – высшей стадией эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы. Ноосфера у Вернадского – великая геологическая, космическая сила, сила разума человека, который своей мыслью и трудом преобразует окружающий мир [6].

Идеи техноцентризма присутствуют практически у всех философов-космистов. К примеру, сторонник идей освоения космического пространства К. Циолковский отводил науке и технике главную роль в становлении новой цивилизации, рисуя красивые утопии общества, которое заселило космическое пространство с помощью использованием орбитальных станций [7, с. 45]. Н. Фёдоров русский религиозный мыслитель и философ-футуролог науке и технике также отводил существенную роль в конструируемых им утопиях [8]. Техно-утопия у Федорова отражает гипотетическое идеальное общество, в котором законы, правительство и социальные условия являются исключительно действующими на благо и благосостояние всех ее граждан, а достижения передовой науки и технологий позволят эти идеальные условия жизни осуществить. Опираясь на силу разума, человек, может не только познавать Вселенную, но и населить все миры, установить гармонию в космосе, сознательно управлять преобразованием всей природы, завершая тем самым предназначения Творца.

Как правило, идеи техноцентризма всегда соседствуют с техноутопией. Большинство футурологов, которые прогнозировали будущее путём экстраполяции существующих технологических, экономических или социальных тенденций, конструировали утопические образы. Элементы техноутопии и техноцентризма можно найти и в концепции постиндустриального общества, в котором повышение качества жизни населения предполагается возможным за счет новых, инновационных услуг, а научные разработки выступают главной движущей силой экономики (базой индустрии знаний). Теория постиндустриального общества представлена различными школами и направлениями от социально-политического (Д. Белл, Д.К. Гэлбрейт, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гюссет, А. Тоффлер и др.) до исторического (Л. Мамфорд, Ф. Фукуяма, О. Шпенглер и др.). В рамках информационного общества концепция техноцентризма актуализировалась в понимании важной роли развития технологий, их центральной роли в жизни общества. Теория «информационного общества» была развита такими авторами, как: М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Карц и др. В рамках концепции информационного общества сделан акцент на становлении технологического общества на основе информационных технологий [9].

Противоположной идеей оптимистическим прогнозам, которые предлагаются в рамках техноцентризма, выступает концепция технокрити-

цизма, в рамках которой артикулируется идея преднамеренно неправильного использования достижений науки и техники, которое наносит ущерб окружающей среде или даже может привести к вымиранию человечества. Большинство последователей этой концепции говорят о мерах предосторожности, а также против преждевременного внедрения новых технологий, необходимости ответственности и осознании рисков, к которым приводит развитие науки и техники [10].

Ж. Эллюль пишет: «Мы все лучше распознаем опасность этого мира. Нам нужна какая-то опора. И поскольку невозможно найти единственный точный ответ, отыскать выход из этого мира, удовлетворительным образом, предрассчитать приемлемое будущее, футурологи хватаются за образ такого будущего, предрассчитать которое нельзя, мысленно перескакивают через препятствия, конструируют нереальное общество... Из кольца техники и технологии они каким-то образом вырываются, но подобное предприятие справедливо именуется Утопией...» [11, с. 147]. Для Эллюля утопия – это триумф технокрицизма, позволяющего закрывать глаза на неприятности, которые приносит техника. Эллюль полагает, что футурологи предлагают радикально технизированный мир, из которого убраны только явные, вопиющие неудобства техники, техника же, в свою очередь, представляет орудие порабощения человека, и даже политика не в состоянии справиться с техникой и сама ею полностью детерминирована. Необходима революция, которая бы изменила негативные тенденции научно-технического прогресса, который должен измеряться не возрастанием числа произведенных ценностей, а количеством сэкономленного человеческого времени.

Продолжая идеи технокритицистов У. Бек выделяют ряд рисков, которым подвержено современное общество. В современном обществе, по мнению Бека, нарушается *монополия науки на рациональность*. «Претензии научной рациональности на *объективное* выяснение уровня риска в опасных ситуациях постоянно противоречат сами себе: они основываются на *карточном домике спекулятивных предположений* и колеблются исключительно в пределах вероятностных высказываний; содержащиеся в них прогнозы безопасности не могут быть опровергнуты даже *реально* происходящими авариями. Кроме того, чтобы вообще осмысленно говорить о рисках, нужно занять определенную *оценочную* позицию. Констатации риска *базируются* на математических *возможностях* общественных интересов прежде всего там, где они могут уверенно заявить о себе благодаря техническим средствам. Занимаясь цивилизационными рисками, наука всегда покидала почву экспериментальной логики и вступала в полигамный брак с экономикой, политикой и этикой или, говоря точнее, она сожигательствует с ними «без официального оформления отношений» [12]. Таким образом, Бек заключает, что в дискуссиях о рисках обнажаются

трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью в обращении с цивилизационными потенциалами риска: научный рационализм без социального *пуст*, социальный без научного – *слеп*». Бек отмечает, что все, что угрожает жизни на этой земле, угрожает тем самым интересам собственности тех, кто живет торговлей и *превращением* в товар продуктов питания и самой жизни. Возникает глубокое, систематически обостряющееся *противоречие* между желанием получать прибыль и интересами собственности, которые двигают процесс индустриализации, с одной стороны, и многообразными грозными последствиями этого процесса, наносящими ущерб прибыли и собственности (не говоря уже об ущербе самой жизни), с другой. Место ценностной системы общества «неравенства» занимает, по Беку, ценностная система «небезопасного» общества. «Если утопия равенства содержит в себе множество *содержательно-позитивных* целей общественного развития, то утопия безопасности, собственно, остается *негативной и оборонительной*: в принципе речь здесь идет уже не о том, чтобы добиться чего-то «доброе», а чтобы *избежать* худшего. Мечта классового общества звучит так: все хотят и имеют право *получить часть* общего пирога. Цель общества риска: всех необходимо *уберечь* от ядовитых веществ». Бек считает, что своим отношением к цивилизационным рискам наука во многих отраслях знания пока что утратила свое историческое право на рациональность. «Технические науки все очевиднее встают перед *исторической цензурой*: или они продолжают мыслить и действовать на проторенных тропах XIX века, и тогда они не смогут отличить проблемные ситуации общества риска от ситуаций классического индустриального общества; или же они посвятят себя подлинному, превентивному преодолению рисков, и тогда им придется по-новому осмыслить и изменить собственные представления о рациональности, о познании и практике, а также соответствующие институциональные структуры».

В рамках технокритицизма работает Д. Зерзан, который критикует современную цивилизацию, отмечая негативное влияние технологий, рост которых наблюдается со времен неолита [13]. Принимая идеи Хоркхаймера и Адорно, он полагает, что история цивилизации – это история самоотречения. Человек получает меньше, чем вкладывает, в этом, по мнению Зерзана, заключается обман технокультуры и скрытая сущность одомашнивания: растущее обнищание собственной личности, общества и Земли. Определяющим признаком нынешней ситуации Зерзан называет врожденную катастрофичность, кризис биосферы, повседневное отчуждение, безысходность. Он апеллирует к данным социальной антропологии и этнографии, наглядно убеждая в преимуществах первобытного строя и собирательства. Подлинный Золотой Век он находит в жизни первобытных племен, а своеобразной «осью зла» считает неолитическую революцию. Опираясь на негативную диалектику Адорно, мыслитель выводит два поляр-

ных состояния общества: первобытное (до неолитической революции), понимаемое как неотчуждённое, и «цивилизованное» – понимаемое как отчуждённое и губительное для человека. Схожие идеи имеет Деррик Йенсен, который также критически настроен по отношению к идеям технологического развития [14]. Продолжая идеи технокритицизма и разрабатывая принципы «неолитической гармонии» Л. Мамфорд в трактате «Миф о машине» критикует современное производство, основанное на постоянной экспансии, а не на стремлении к качеству продукта [15]. Мамфорд вводит понятие социотехнической системы – мегамашины, в которой техника перестаёт быть простым инструментом, а становится активным субъектом реальности, трансформирующим человека по своему образу и подобию. Эта система принадлежит правящему меньшинству. Мамфорд полагает, что до становления этой системы на самых ранних этапах неолитической культуры не было вооружённых стычек, неравенства и несправедливости, которые принесла с собой мегамашина [там же].

Течение в современной философии и контркультуре, которое подразумевает критику влияния научно-технического прогресса (особенно в области высоких технологий) на человека и общество, получило название *неолуддизм*.

Средняя позиция между технокритицизмом и техноцентризмом – технореализм (Technorealism), который пытается оценить социальные и политические последствия технологии таким образом, чтобы иметь больше контроля над ними в будущем. Технореализм стремится достичь баланса между двумя крайностями: веры в то, что технологии смогут воплотить утопические идеи о всемирном благополучии, и идеями о том, что они уничтожат человечество либо приведут к моральной деградации [16]. Цель технореализма: осознать стратегический потенциал научно-технического развития и применить его таким образом, он соответствовал основным человеческим ценностям. В рамках этого подхода осуществляется непрерывный критический анализ того, как технологии могут помочь или помешать людям в борьбе за улучшение качества их жизни и роста благосостояния.

Выводы. Различные идеи, принципы и установки, формирующие представления о научно-технологическом развитии можно рассмотреть в русле техноутопизма, техноцентризма, технокритицизма и технореализма.

Для успешного решения широкого круга современных задач в украинской науке требуется анализ большого числа параметров, а также внутренних и внешних факторов, влияющих на развитие научного потенциала. Выделение какого-то одного фактора, влияющего на состояние науки, как основополагающего (например, недофинансирования) также не имеет достаточного основания. Необходимо выработать взвешенную, продуманную научно-техническую политику с учетом всевозможных факторов, влияющих на развитие научного потенциала. Весомая также роль социальных,

культурных факторов, которые способствуют формированию современных отношений в системе наука-образование-государство.

Список литературы: 1. *Kunz W.M. Culture Conglomerates: Consolidation in the Motion Picture and Television Industries (Critical Media Studies: Institutions, Politics, and Culture)* / W.M. Kunz. – Rowman & Littlefield, 2007. – 262 p. 2. *Элиаде М. Миф о благородном дикаре, или престиж начала* [Электронный ресурс] / М. Элиаде. – Режим доступа: http://религия-философия-история.рф/load/mircha_ehliade_sbornik_tekstov/1-1-0-8. 3. *Мор Т. Утопия* / Т. Мор; [пер. с лат. Ю.М. Каган]. – М.: Наука, 1978. – 417 с. 4. *Бэкон Ф. Сочинения в 2 т.* / Ф. Бэкон; пер. с англ. – Т. 1. – М.: Мысль, 1977. – 567 с. 5. *Papert S. A Critique of Technocentrism in Thinking About the School of the Future* [Электронный ресурс] / Seymour Papert. Режим доступа: <http://www.papert.org/articles/ACritiqueofTechnocentrism.html>. 6. *Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере* / В.И. Вернадский // *Успехи современной биологии*. – 1944. – №. 18. – Вып. 2. – С. 113–120. 7. *Циолковский К. Монизм Вселенной* / К. Циолковский // *Грёзы о Земле и небе*. СПб., 1995. – С. 45. 8. *Фёдоров Н.Ф. Сочинения* / Фёдоров Н.Ф. – М.: Мысль, 1982. – 711 с. 9. *Степин В.С. Философия науки и техники: учеб. пособие для вузов* / [В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов]. – М.: Контакт-альфа, 1995. – 377 с. 10. *Уэбстер Ф. Теории информационного общества* / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с. 11. *Эллюль Ж. Другая революция* / Ж. Эллюль // *Новая технократическая волна на Западе*. – М.: Пресс, 1986. – С. 147-152. 12. *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну* / У. Бек; [пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой]. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. 13. *Зерзан Ж. Примитивный человек будущего* [Электронный ресурс] / Ж. Зерзан. – Режим доступа : <http://svonz.lenin.ru/books/Zerzan-FP.html>. 14. *Jones S.E. Against technology : from the Luddites to Neo-Luddism* / S.E. Jones. – UK and New York: Routledge; 1 edition, 2006. – 288 p. 15. *Мамфорд Л. Миф машины* / Л. Мамфорд. – М.: Логос, 2001. – 408 с. 16. *Shapiro A. The Control Revolution: How New Technology Is Putting Individuals in Charge and Changing the World We Know* / Andrew Shapiro. – Public Affairs, 1999. – 286 p.

Bibliography (transliterated): 1. *Kunz W.M. Culture Conglomerates: Consolidation in the Motion Picture and Television Industries (Critical Media Studies: Institutions, Politics, and Culture)* W.M. Kunz. – Rowman & Littlefield, 2007. – 262 p. 2. *M. Eliade Mif o blagorodnom dikare, ili prestizh nachala* [Elektronny resurs] M. Ebliade. – Rezhim dostupa: http://религия-философия-история.рф/load/mircha_ehliade_sbornik_tekstov/1-1-0-8. 3. *T. Mor. Utopia*. T. More; [per. s lat. Yu.M. Kagan]. – Moscow: Nauka, 1978. – 417 s. 4. *Bekon F. Sochineniya 2 t. F. Bekon; per. s angl.* – Vol. 1. – Moscow: Mysl, 1977. – 567 s. 5. *Papert S. A Critique of Technocentrism in Thinking About the School of the Future* [Elektronny resurs] Seymour Papert. – Режим доступа : <http://www.papert.org/articles/ACritiqueofTechnocentrism.html>. 6. *Vernadsky V Neskolko slov o noosfere*. V.I. Vernadsky. *Uspehi sovremennoy biologii*. – 1944. – №. 18. – Vyp. 2. – S. 113-120. 7. *Tsiolkovsky K. Monizm Vpselennoy*. K. Tsiolkovsky. *Grpezy o Zpemle I nebe*. – St. Pet., 1995. – S. 45. 8. *Fedorov N.F. Sochineniya*. N.F. Fedorov. – Moscow: Mysl, 1982. – 711 s. 9. *Stepin V.S. Filosofiya naguki tehniky i g: ucheb. posobie dlya vuzov* [B.S. Stepin, V.G. Gorohov, M.A. Rozov]. – Moscow: Kontakt-alfa, 1995. – 377 s. 10. *Uebster F. Teorii infrmatsionnogo obshchestva*. F. Uebster. – Moscow: Aspekt Press, 2004. – 400 s. 11. *Ellyul J. Drugaya revolyutsiya*. J. Ellyul. *Novaya tehnokraticheskaya volna na Zapade*. – Moscow: Press, 1986. – S. 147-152. 12. *Bek W. Obschestvo riska na puti k drugomu modern*. W. Bek; [per. s nem. V. and N. Sedelnika Fedorovoy]. – Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. – 384 s. 13. *Zerzan J. Primitivny chelovek buduschego* [Elektronny resurs] J. Zerzan. – Rezhim dostupa: <http://svonz.lenin.ru>

/books/Zerzan-FP.html. **14.** Jones S. E. Against technology : from the Luddites to Neo-Luddism. S.E. Jones. – UK and New York : Routledge; 1 edition, 2006. – 288 s. **15.** Mamford L. Mif mashiny. L. Mamford. – Moscow: Logos 2001. – 408 s. **16.** Shapiro A. The Control Revolution: How New Technology Is Putting Individuals in Charge and Changing the World We Know. Andrew Shapiro. – Public Affairs, 1999. – 286 p.

Поступила (received) 27.02.2014.

УДК 165.194

М.В. СМОЛЯГА, канд. филос. наук, доц., НТУ «ХПИ»;

Г.Г. СТАРИКОВА, канд. филос. наук, доц., ХНУРЭ, Харьков

СТРАТЕГИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема объективности научного знания. Высказывается предположение о том, что решение этой проблемы определенным образом зависит от от способов концептуализации действительности, которых придерживается ученый. Анализируются взгляды на эту проблему выдающихся представителей постпозитивизма. Показано, что при всей логичности и видимой объективности классического, традиционнорационалистского реалистического подхода у него обнаруживаются непреодолимые противоречия о существенные ограничения, искажающие саму идею объективности.

Ключевые слова: объективность научного знания, теория отражения, конструктивизм, реализм, постпозитивизм, неявное знание, теоретическая доминантность.

Введение. Проблема объективности научного знания всегда являлась значимой как для науки, так и для эпистемологии. Особую **актуальность** данная проблема приобретает на современном этапе развития научного и философского знания. Это связано, с одной стороны, с проникновением науки в такие области реальности, о которых человек может иметь исключительно теоретическое, абстрактное представление. С другой стороны, активно развивающееся в настоящее время направление эпистемологической мысли, получившее название радикального конструктивизма, ставит под сомнение возможность получения объективного знания о мире как таковую. Понятно, подобные взгляды являются реакцией на не менее радикальный «наивный» рационализм, убежденный во всемогуществе человеческого разума и наличии объективности как обязательной характеристики научного знания. Эти две позиции представляют крайние точки зрения, истина же, как это часто бывает, находится где-то посередине.

Цель данной статьи – рассмотреть возможные взаимосвязи способов концептуализации реальности и подходов к решению проблемы объектив-

© М.В. Смоляга, Г.В. Старикова, 2014